

АКТИВИСТЫ В ЛОВУШКЕ АНТИПОЛИТИКИ. О БЕССИЛИИ ПРАВООЩИТНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ. *Резюме*

Франсуаза Досэ

В России так называемый «период перехода к демократии» начался на десять лет позже, чем аналогичные процессы в Латинской Америке. Сравнительные работы, посвященные этому вопросу, рассматривали роль гражданского общества в падении авторитарных режимов в обоих регионах. К концу 1990-х годов, однако, многие социологи отмечали разницу между Россией и странами Латинской Америки. На фоне растущего разочарования процессами демократизации ученые объясняли трудности этого перехода в России слабостью гражданского общества.

Автор данной статьи стремится объяснить, почему общественные организации не сумели укрепить в стране принцип политической подотчетности и почему гражданское общество в России не заменило собой политическую оппозицию. Лейтмотивом статьи является отношение российских правозащитных движений к политике.

Правозащитное движение в России играло важную роль в перестройке советской системы и считало себя «авангардом гражданского общества». В конце 1980-х годов бывшие диссиденты развивали гражданское общество, создавая негосударственные общественные организации. Наиболее известные из них — «Мемориал», Московская Хельсинкская группа и Комитет солдатских матерей — участвовали в демократизации страны, но, чтобы противостоять господству КПСС, бывшие диссиденты и правозащитники предпочитали создавать ассоциации, а не политические партии. Эта стратегия вписывалась в теории демократического перехода, сторонники которых считают, что гражданское общество служит демократизации, поскольку создает наряду с политическими партиями каналы для формулирования и представления разнообразных интересов. Параллельное существование политических партий и гражданских организаций было важно для борьбы с монополией КПСС и контролируемых ею «общественных организаций».

В России правозащитники описывали «гражданское общество» как сферу деятельности, социально и морально превосходящую сферу политики. Правила либеральной демократии предполагают разделение между участием в общественных организациях и партийной деятельностью. Гражданские активисты разделяли эту точку зрения, поскольку вынесли из советского прошлого отвращение к партийности. Как объяснили руководители «Мемориала», «общество “Мемориал” — не политическая партия. Оно объединяет людей, одушевленных общими гражданскими идеалами, слишком широкими, чтобы их можно было однозначно отождествить с политической платформой той или иной партии, принимающей участие в выборах. Одним из этих идеалов является представление о личной ответственности каждого гражданина за судьбу страны». Большинство правозащитников предпочитало действовать через общественные организации, а не в политической сфере, и руководители этих организаций придерживались специфического представления о политике, при котором аполитичность рассматривалась как оружие борьбы против режима.

Антропологический анализ отношений, характерных для диссидентских организаций, показывает, что доверие в них было построено на более или менее близких личных связях, что трудно совместимо с партийными обязательствами. Такие отношения покрывали спектр от наиболее интимных семейных связей до личной солидарности и не являлись откровенно политическими, что допускало участие в одной ассоциации активистов с разными политическими взглядами. Отказ от политики позволял спроектировать «мирное сообщество людей, придерживающихся разных политических доктрин (от анархистов до монархистов, включая либеральных демократов и националистов)».

Несмотря на легитимность, обретенную правозащитными ассоциациями в процессе демократизации, после 1991 года они постепенно утратили влияние. Первоначально активисты полагали, что демократическое устройство государства позволит им играть существенную роль в российской политической жизни. Новое правительство подчеркивало приоритет гражданского контроля, правозащитные ассоциации поддерживались либеральными парламентариями Съезда народных депутатов РСФСР и Государственных дум 1990-х годов, были созданы государственные ведомства по защите прав человека. Но аполитичная стратегия руководителей правозащитных организаций привела к постепенной утрате влияния самих ассоциаций, вплоть до их вытеснения из общественного пространства. В результате потери влияния либеральных партий гражданские организации превратились в кружки защитников прав человека.

Большинство авторов считают 1993 год поворотной точкой российского переходного периода, когда вооруженное подавление мятежного парламента и укрепление президентской власти создали правила игры нового режима. Гражданские права были признаны Конституцией 1993 года, но в действительности администрация отмежевывалась от правозащитных организаций. После распада СССР правозащитники постепенно утратили свое влияние на политическое руководство. В 1990-е годы они оказались бессильными перед первой чеченской войной и не могли остановить упадок либеральных партий. Надежды на переход

к демократии (наподобие произошедшего в ряде стран Латинской Америки) постепенно таяли.

С 1990-х годов правозащитники пользовались международной легитимностью, им предоставляли финансовую поддержку международные учреждения и общественные организации в рамках программ развития гражданского общества. Поддержку правозащитным организациям оказывали и частные организации, а с середины 1990-х годов некоторым из них стали помогать крупные финансовые группы, основанные «олигархами». Правозащитники компенсировали свои политические трудности неформальными контактами внутри правительства. Чиновники сотрудничали с активистами, но такие контакты в основном носили неформальный и частный характер. Например, сотрудничество между неправительственными организациями и государственными правоохранительными органами опиралось на личные отношения. Поэтому отношения между правозащитниками и государственными служащими можно рассматривать как часть общего комплекса неформальных отношений в стране. Эти отношения разрешали активистам продвигать свои интересы внутри администрации. Однако их личный характер часто делал их непрочными, и их дальнейшее развитие проблематично, поскольку официально такие отношения не могут быть ни оформлены, ни обнародованы. Они основаны на неких социальных навыках, личной дружбе, а не на гражданской и политической вовлеченности.

С выбором Владимира Путина в 2000 году на пост президента России правозащитным ассоциациям были предложены новые отношения с российским государством. Путинская администрация придерживается мнения, что гражданские организации должны официально с ней сотрудничать. В этом контексте правозащитники сталкиваются с новой дилеммой. С одной стороны, они заинтересованы в сотрудничестве, которое увеличило бы их влияние. С другой стороны, правозащитники опасаются, что ввиду отсутствия многопартийной системы сотрудничество с государством может привести их к полному подчинению власти. В контексте «полуисчезновения» оппозиционных партий государство показало свое намерение восстановить контроль над независимыми организациями.

В 2004 году, будучи переизбранным на пост Президента Российской Федерации, Владимир Путин по-новому расставил акценты в отношениях между государством и обществом. На волне цветных революций в СНГ российский президент и его команда решили взять независимые российские организации под полный контроль. Объектами особо пристального внимания стали правозащитники, а также организации, действующие в особо чувствительных регионах (вроде Северного Кавказа), получающие заграничную поддержку или просто выражающие инакомыслие.

С начала 2005 года проведен ряд институциональных изменений, касающихся гражданского общества. В целях репрезентации общества перед лицом власти была создана Общественная палата. Члены этой Палаты назначаются сверху, что соответствует политическим представлениям президентской администрации. В январе 2006 года Владимир Путин подписал спорный закон, регулирующий деятельность неправительственных организаций. Этот закон усиливает администра-

тивный контроль над независимыми общественными организациями на территории России: он требует, чтобы они регистрировались правительством, раскрывали источники доходов, подвергались многочисленным государственным ревизиям. Правительство предпочитает создание подконтрольных ему ассоциаций (ГОНГО). Эти организации поддерживаются и субсидируются правительством. Они внедрили патриотический дискурс во все сферы деятельности, и их существование ограничивает возможности сотрудничества независимых ассоциаций с администрацией, которая пытается избегать связей с организациями, получающими иностранную поддержку.

Протестуя против подобного авторитаризма, некоторые активисты стали рассматривать возможность возврата в политику. Но в сегодняшней закрытой политической системе это кажется невозможным. Даже когда правозащитники выражают желание участвовать в политической жизни (вопреки собственному диссидентскому наследию), такое участие институционально невозможно. С начала века в России очевиден спад общественного и политического плюрализма. В результате парламентских выборов 2003 года либеральные партии вроде «Яблока» и Союза правых сил потеряли своих последних депутатов в Думе.

Эти выборы стали настоящим шоком для правозащитников и заставили их задуматься над собственным отношением к политике. Если к концу советского периода они опасались политического активизма, то теперь многие обеспокоены эволюцией режима. Гражданская и политическая активность стали предметом острых споров. Некоторые руководители гражданских организаций стремятся сформулировать политическую стратегию, рассматривая правозащитную позицию как альтернативу политическим партиям. Некоторые организации, такие как Союз комитетов солдатских матерей, создавший собственную партию, пытаются принять участие в выборах. Однако в условиях, определенных новым законом, эти попытки оказываются неуспешными. Другие активисты, напротив, предпочитают стратегию «ухода». Во время последних парламентских выборов многие из них призывали к бойкоту. Эта позиция напоминает положение дел в советское время, когда диссиденты осуждали КПСС и отказывались от какого бы то ни было сотрудничества с ней. Нынешний диапазон политического выбора определен советским прошлым: стратегия аполитичности, провозглашенная правозащитными организациями в начале 1990-х годов, к концу 2000-х годов обернулась политической ловушкой.

Перевод с английского Ксении Черкаевой под редакцией Михаила Габовича